

КТО ТАКИЕ НАРОДНИКИ-КУЛЬТУРНИКИ?

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 марта 2016 г.

Аннотация: данная статья посвящена истории так называемого «культурного народничества» – сторонников мирной культурно-просветительской деятельности интеллигенции в деревне; рассматривается руководящее ядро культурно-народнического направления, основные этапы его истории и типология течений; анализируются причины недооценки в исторической литературе вклада народников-культурников в развитие теории и практики русского народничества 1870–1890-х гг.

Ключевые слова: интеллигенция, «культурное народничество», народники-культурники, «культурная работа», теория «малых дел».

Abstract: this article describes the history of the so-called «Cultural populism» – supporters of a peaceful cultural and educational activities of the intelligentsia in the village; the article deals with the leading core of the cultural and populist direction, the main stages of its history and typology of flows; the author analyzes the reasons for the underestimation in the historical literature contribution populists-culturiks in the development of the theory and practice of Russian Populism 1870–1890-s.

Key words: intelligentsia, «cultural populism», «populists-culturiks», «cultural work», the theory of «small deeds».

В современной литературе под «народниками-культурниками» обычно понимают представителей правого крыла легально-реформаторского народничества 1870–1890-х гг. Его идеологи – И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, В. В. Воронцов, С. Н. Кривенко, Е. Д. Максимов и др., призывали интеллигенцию отказаться от идеи революционного переворота (народ к нему оказался не готов) и идти в деревню на так называемую «культурную работу». Так в то время называли культурно-просветительскую деятельность земских и сельских учителей, врачей, агрономов и т. п.

В марксистской историографии понятия «культурник» и производное от него «культурничество» имели уничижительный, почти бранный характер. Культурник – это деятель, который «мелко плавает», а культурная работа «бесплодна, как песок в пустыне», потому что совершенно оторвана от «политики» [1, с. 180]. Поэтому советские народниковеды старались этих терминов не употреблять.

Первым исследователем, который вернул теоретикам и практикам культурно-народнического направления наиболее подходящее для них название, был В. И. Харламов. Это произошло на рубеже 1970–1980-х гг. [2, с. 110; 3, с. 9]. Затем данный подход получил развитие в исследованиях уже российских историков В. В. Зверева и Г. Н. Мокшина [4; 5]. Однако широкого распространения в литературе термин «народники-культурники» так и не получил.

Достаточно заглянуть в современные учебники и энциклопедии или в Интернет. Даже в народниковедческой литературе «культурников» очень редко выделяют в особое течение, растворяя их в правом (неревволюционном) народничестве и игнорируя при этом острые разногласия между «культурниками» и «политиками». Отчасти в этом виноваты и сами исследователи данного течения, которые в большинстве своем считают «культурническое» или «культурное» народничество боковой ветвью в развитии народнической мысли, порождением политической реакции 1880-х гг.

На наш взгляд, почвой для широкого распространения в обществе культурнических идей послужило разочарование интеллигенции в возможности решить проблему народа «одним махом», путем свержения самодержавия. Неудачный опыт революционных народников показал невозможность «внешнего» освобождения народа до тех пор, пока для этого не будут созданы необходимые «внутренние» предпосылки, включая изменение политического мирозерцания крестьянства. А этого невозможно было достигнуть, минуя кропотливую работу по общему подъему материального и духовного уровня развития простого народа.

В данной статье мы попытаемся дать общую характеристику культурно-народнического направления. При этом главное внимание будет уделено его руководящему ядру, основным этапам истории и типологии течений. Данные вопросы наименее разработаны в литературе, но являются принципиально

важными для оценки места и роли народников-культурников в истории русского народничества.

Ядро культурного народничества составляло примерно три-четыре десятка видных его теоретиков, в основном профессиональных литераторов (экономистов, социологов, публицистов, беллетристов). При этом многие из них когда-то работали врачами, учителями, земскими статистиками, юристами, а кое-кто продолжал совмещать и то, и другое занятие.

Группировались народники-культурники вокруг нескольких столичных и провинциальных периодических изданий. Главные из них – газета «Неделя» и журнал «Русское богатство» (в период его редактирования сначала Л. Е. Оболенским, а потом С. Н. Кривенко). На их страницах велась теоретическая и практическая разработка ряда важных для всей народнической интеллигенции вопросов (о капитализме, общине, взаимоотношениях власти, общества и народа и т. п.).

Иными словами, культурное народничество – это прежде всего *литературно-общественное течение*, разбитое на множество фракций, иногда даже внутри одного издания. Это объясняет тот факт, что у «культурников» не было ни общепризнанного лидера, ни общей программы действий. Более того, ведущие теоретики «культурничества» таковыми себя не считали (это слово появляется только в середине 1890-х гг. в трудах марксистов), часто полемизировали между собой и не желали, чтобы их ставили в один ряд. На этой основе возникло «народничество И. И. Каблицы», «народничество В. В. (В. П. Воронцова)», «народничество Н. Н. Златовратского» и т. д.

И все-таки мы вправе объединить всех этих теоретиков в одно культурно-народническое направление.

Во-первых, первопричинами экономической и культурной отсталости России все народники-культурники считали не отсутствие в стране политических свобод, а невежество и бедность основного ее населения. И в этом было их главное отличие от народников-политиков (левого фланга легального народничества). Цель «культурной работы» как раз и заключалась в подъеме общего уровня жизни простого народа, развитии его самостоятельности и инициативы. Вооружив крестьянство «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), народники надеялись привести его к такому состоянию, когда оно само будет в силах справиться со своими материальными и моральными «болезнями» и нуждами.

Во-вторых, «культурники» действовали на легальной основе, а потому их программы преобразований, как правило, держались на трех китах: печать, земство и кооперация. В молодости многие из них были связаны с революционным движением (и здесь опять

выделяется И. И. Каблиц, начинавший как ярый анархист и «вспышкопускатель»), но потом сумели «образумиться», преодолеть свой юношеский максимализм и выработать более трезвое отношение к русской жизни и ее задачам.

В-третьих, все главные теоретики культурного народничества сохранили веру в социалистические идеалы своей юности. Однако они не считали возможным *непосредственный* переход к более «совершенному» общественному строю, олицетворявшему тогда высшую стадию развития человеческой культуры. Крестьянская Россия к этому была не готова. А насильственный переворот, вопреки желаниям большинства, мог привести к власти интеллигентское правительство, еще более деспотичное, чем самодержавное. Правда, некоторые историки с такой интерпретацией культурничества категорически не согласны. Например, В. В. Зверев, как и его предшественник В. И. Харламов, рассматривают культурничество сквозь призму теории «малых дел», которая якобы санкционировала полный отказ от коренных общественных преобразований, и в том числе от каких бы то ни было социалистических мечтаний [6].

Главная проблема в изучении культурничества, однако, не в разных оценках содержания теории «малых дел», а в том, что история данного направления по сути ограничивается эпохой 1880-х гг. Неслучайно первый его серьезный исследователь В. И. Харламов, вслед за Н. В. Шелгуновым, упорно называл народников-культурников «восьмидесятниками» и «неделистами», а их главными идеологами – И. И. Каблицы и Я. В. Абрамова [7, с. 279]. Но как быть с тем, что термин «культурное народничество» впервые появляется в некрологе С. Н. Кривенко в 1906 г. [8] и именно он, как автор книги «На распутье. (Культурные скиты и культурные одиночки)» (1895), считался тогда главным защитником «культурной» деятельности интеллигенции.

Это обстоятельство побуждает нас пересмотреть сложившуюся в литературе концепцию истории культурного народничества. Постараемся выделить основные, или, как сейчас говорят, «реперные», точки его роста и развития.

Идея «просвещения» народа как средства его приобщения к идеалам интеллигенции зародилась в народничестве еще в 1860-е гг. под влиянием Великих реформ. Тогда же начинается стихийное движение «в народ», которое изначально носило вполне мирный, культурно-просветительский характер. «Мы идем не бунты затевать, не волновать народ... – говорил один из героев романа Д. Л. Мордовцева «Знамена времени» (1869). – Мы просто идем слиться с народом: мы бросаем себя в землю, как бросают зерно, чтоб зерно это взошло и уродило от сам-пять до сам-сто, как египетская пшеница» [9, с. 312]. По своей попу-

лярности в молодежной среде «Знамения времени» почти не уступали роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Большинство молодых народников были уверены, что «мужик» – их меньший брат, который сочувствует идеалам интеллигенции и ждет от нее «верного слова». На самом деле это была только *идея* народа – «социалиста по инстинкту», которого в действительности не существовало. Да и само так называемое «раннее» народничество, по справедливому замечанию Н. Н. Златовратского, – это не четкая и ясная доктрина, а скорее «настроение», сформировавшееся под влиянием известного учения о долге интеллигенции перед народом [10, с. 243].

Массовый «поход» в деревню «крестоносцев социализма» 1874–1875 гг. открыл «передовой» интеллигенции горькую правду: народ не революционер, а консерватор и монархист. И от интеллигенции он ничего не ждет. Для многих тогдашних народников это была настоящая катастрофа, кризис самоидентификации. И преодоление этого кризиса, как показала дальнейшая история народнического движения, оказалось возможным только в двух формах: или переход к политической борьбе с самодержавием («народовольчество»), или культурно-просветительская деятельность в народе на почве существующих общественных порядков («неделизм»).

Культурно-народническое течение начинает складываться во второй половине 1870-х гг. вокруг газеты «Неделя». Одна из ключевых его идей – восстановление культурной самобытности народа-пахаря как залога его дальнейшего самостоятельного развития – была озвучена еще в 1875 г. в статьях П. П. Червинского [11, стб. 1431]. Однако первым «сложившимся» идеологом народников-культурников по праву считается И. И. Каблиц-Юзов. В 1882 г. он опубликовал свою знаменитую книгу «Основы народничества», разделившую тогдашних народников на два лагеря: «юзовцев» и «антиюзовцев». Истинное народничество, по Каблицу, заключалось в том, чтобы смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика», т. е. помочь ему осуществить то, что он сам желает. А вот навязывать народу свою волю (как, по его мнению, делали «народовольцы») – это «лженародничество». Следуя таким путем, интеллигенция рискует превратиться в худшего и опаснейшего врага народа, каким до сих пор являлась царская бюрократия [12, с. 316, 319–323].

Собственно все культурничество Каблиц-Юзова сводится к уже известной нам идее развития культурной самобытности народа. Только теперь она получила развернутое теоретическое обоснование. При этом интеллигенции отводилась сугубо служебная роль (что-то вроде акушерки, няньки и наперсницы в одном лице). Разумеется, радикальная интеллиген-

ция, привыкшая смотреть на себя как на учителя и вождя, встретила все это в штыки, и с начала 1880-х гг. многие народники перестали так себя называть, чтобы их не обвинили в принадлежности к «юзовцам». Юзов (литературный псевдоним Каблиц) и вправду представлял лишь крайне правый фланг русского народничества.

Следующий важный шаг в развитии культурно-народнического течения в середине 1880-х гг. сделал Я. В. Абрамов – ведущий публицист газеты «Неделя», сменивший на этом посту слишком прямолинейного Каблицу. Как известно, в это время большинство прежних народнических идеологов находилось в состоянии «идейной растерянности», вызванной разгромом правительством движения революционных народников. «Культурники» воспользовались возрождением в обществе аполитизма и предложили собственную программу преодоления очередного идейно-организационного кризиса в русском народничестве.

Во-первых, Абрамов реабилитирует понятие «интеллигенция», которое после 1 марта 1881 г., действительно, будет ассоциироваться с врагами русского народа, посягнувшими на его царя-освободителя. Настоящая интеллигенция – это не «бомбисты», а «люди специального знания, имеющие определенные профессиональные обязанности». Это народные врачи и учителя, агрономы и земские статистики, которые своим трудом помогают простому народу справиться с двумя главными его недугами – бедностью и невежеством [13, с. 740].

Во-вторых, именно Абрамов на страницах «Недели» начнет агитационную кампанию по переселению «умственного пролетариата» (безработной городской интеллигенции) в деревню, что со временем выльется в так называемое «третье хождение интеллигенции в народ», но на этот раз не для революционной пропаганды, а на «культурную работу». Противники назовут эту деятельность «малыми делами», а сам Абрамов – «великой культурной работой» [14, с. 227].

И наконец, в начале 1890-х гг., когда русскую деревню охватит голод и все чаще будут раздаваться голоса, мол, интеллигенция занимается паллиативами, а нужны «большие» дела (борьба за изменение существующего строя), с теорией «органической культурной работы» выступит С. Н. Кривенко. Данная теория, на наш взгляд, – это существенный шаг в развитии идеологии культурного народничества, так как она была призвана объединить сторонников «малых» и «больших» дел на основе концепции социально-политических преобразований страны. «Культурная работа» рассматривалась Кривенко и его последователями как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и полити-

ческого строя России и как лучший способ подготовки масс к осуществлению тактической формулы народничества – «все для народа и только через народ» [15, с. 174; 16, с. 8].

Однако примирить «культурников» и «политиков» С. Н. Кривенко не удалось. В 1894 г. в редакции журнала «Русское богатство», где он состоял вместе со своим лучшим другом Н. К. Михайловским (убежденным противником теории «малых дел»), произошел окончательный и бесповоротный раскол. Друзья расстались навсегда. Народники-политики в будущем стали эсерами и энесами, т. е. продолжили борьбу за свободу народа, а народники-культурники очень быстро оказались на обочине русского освободительного движения.

Почему в народническом движении конца XIX – начала XX в. «политика» взяла верх над «культурнической практикой» – объяснить нетрудно. Это, во-первых, отсутствие у последней видимых результатов (для подъема народной культуры требовались десятилетия); во-вторых, неизбежное торжество в культурной деятельности «практичности» над «идейностью», без которой народническая интеллигенция теряла свою физиономию (выражаясь языком марксистов, «расплывалась в либерализме»). С этим, кстати говоря, в свое время столкнулись революционные культурники – участники землевольческих поселений 1877–1879 гг. (так называемого «второго хождения в народ»).

Таким образом, идейная история культурного народничества не может ограничиваться становлением и эволюцией теории «малых дел», т. е. 80-ми гг. XIX в. Развитие культурнических идей продолжалось и в 90-е гг. главным образом в трудах С. Н. Кривенко и его единомышленников.

Расширение числа ведущих идеологов культурничества позволяет по-другому взглянуть и на типологию его течений. Теперь мы можем четко обозначить его правый и левый фланги.

Справа следует поместить народников, сотрудничавших в газете «Неделя» (И. И. Каблиц-Юзов, Я. В. Абрамов, К. В. Лаврский и др.). Все они придерживались «социальной» концепции общественных преобразований, т. е. доказывали, что основное предназначение русской интеллигенции – в удовлетворении насущных потребностей народа. Понятно, что требования «коренных» общественных преобразований, в том числе и политических, в их программу не входили. Представители другой народнической фракции (С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов и др.), напротив, доказывали большое значение для успешной общественной деятельности широких демократических идеалов. Это была основа для становления социально-политической концепции преобразований, поскольку политическая деятельность не

исключалась, но ставилась в зависимость от успеха формирования новой общественной силы (из народа и передовой интеллигенции).

Разумеется, в культурном народничестве были и другие «фракции», в том числе и стоящие в стороне от выделенной нами «генеральной» линии развития данного направления (Каблиц-Абрамов-Кривенко). Прежде всего, это так называемые народники-коммунитари – члены интеллигентских земледельческих общин, в основном последователей Н. А. Энгельгардта. На особое место среди «культурников», по крайней мере, в первой половине 1880-х гг., претендовал издатель журналов «Мысль» и «Русское богатство» Л. Е. Оболенский – идеолог «синтетического народничества». Несколько особняком держался также культурнический кружок Н. Н. Златовратского, предложивший в середине 1880-х гг. свою собственную программу преодоления идейного кризиса интеллигенции («Основные тезисы народничества»).

В задачи нашей статьи не входит подробная оценка того вклада, который народники-культурники внесли в развитие теории и практики русского народничества 1870–1880-х гг. Это предмет особого разбирательства, так как до сих пор этот вклад является явно недооцененным. Мы уже упоминали о том, что многие современные народниковеды по-прежнему (в «лучших традициях» марксистской историографии) считают культурно-просветительскую деятельность народников чем-то второстепенным, т. е. отвлекающим интеллигенцию на решение «второстепенных» задач. Главные же ее задачи лежали на поле «политической битвы», ибо здесь все и решилось. В октябре 1917 г. к власти пришли большевики, помешать которым более «гуманные» (?) в своих методах построения социализма эсеры так и не смогли. Можно подумать, что это из-за народников-культурников русская интеллигенция не смогла добиться ограничения самодержавия мирным путем.

На самом деле у поражения «Великой российской революции» были и другие, куда более весомые причины. Никакая революция не может дать свободу, пока нет тех, кому эта свобода нужна, пишет по этому поводу Е. Л. Рудницкая. А потому генеральной мыслью русского освободительного движения исследовательница считает мысль о просвещении общества. «Свобода не внешняя, а внутренняя достигается Просвещением. Только в нем предпосылка для подлинно свободного общества» [17, с. 598]. Но разве не эта идея красной нитью проходит через всю историю русского культурного народничества?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троцкий Л. Д.* Сочинения : в 21 т. / Л. Д. Троцкий. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – Т. 21. – 520 с.

2. Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (постановка вопроса, литература, задачи изучения) / В. И. Харламов // Проблемы истории СССР. – М. : МГУ, 1979. – Вып. 10. – С. 101–117.
3. Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы / Юзова / : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Харламов. – М., 1980. – 18 с.
4. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – М. : Уникум-Центр, 1997. – 366 с.
5. Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 298 с.
6. Зверев В. В. «Малых дел» теория / В. В. Зверев // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 269–270.
7. Харламов В. И. Книга. Библиотека. Культура : аспекты теории и истории ; Воспоминания о В. И. Харламове / В. И. Харламов. – М. : РГБ, 1998. – 408 с.
8. Корсаков И. Заметки социалиста о текущем / И. Корсаков // Голос. – 1906. – № 14. – 7 июня.
9. Мордовцев Д. Л. Знамена времени / Д. Л. Мордовцев. – М. : Гослитиздат, 1957. – 410 с.
10. Письма А. И. Эртеля. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. – 409 с.
11. [Червинский П. П.] П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? / П. Ч. // Неделя. – 1875. – № 44. – Стб. 1427–1433.
12. [Каблицы И. И.] Юзов И. Основы народничества / И. Юзов. – СПб. : Тип. Котомина и К., 1882. – 324 с.
13. [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. – 1891. – № 24. – Стб. 737–740.
14. Абрамов Я. Малые и великие дела / Я. Абрамов // Книжки «Недели». – 1896. – № 7. – С. 214–227.
15. Кривенко С. По поводу культурных одиночек / С. Кривенко // Русское богатство. – 1893. – № 12. – С. 160–192.
16. [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания / М. Слобожанин. – СПб. : Общественная польза, 1907. – 484 с.
17. Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. Научные труды / Е. Л. Рудницкая. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2007. – 624 с.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University
Mokshin G. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14